

И.И. Каблиц

**Интеллигенция и народ в
общественной жизни России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
И11

И11 **И.И. Каблиц**
Интеллигенция и народ в общественной жизни России / И.И. Каблиц – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 304 с.

ISBN 978-5-518-06593-2

ISBN 978-5-518-06593-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

суть ничто, и что они становятся чѣмъ-нибудь лишь въ той мѣрѣ, въ какой они воплощаютъ въ себѣ притязанія составляющихъ этотъ агрегатъ единицъ» ¹⁾. Эта послѣдняя особенность общественнаго организма настолько отличаетъ его отъ біологическаго, что всѣ скороспѣлые выводы органистовъ,—въ родѣ того, что центральное правительство, есть головной мозгъ, отдающій свои приказанія по всѣмъ областямъ, — падаютъ сами собою.

Органисты утверждаютъ: общество есть организмъ и этимъ путемъ хотятъ связать явленія біологической и соціальной областей. Эспинасъ достигаетъ того же инымъ путемъ ²⁾ Онъ говоритъ: организмъ есть общество. Если органисты топятъ соціологію въ біологію, то Эспинасъ, наоборотъ, считаетъ біологическія явленія только частью соціальныхъ. По его словамъ, область соціологіи начинается съ первыхъ группированій анатомическихъ элементовъ или «біологическихъ атомовъ». А такъ какъ всякій сложный индивидъ представляетъ собою комбинацію клѣточекъ, то онъ есть особый родъ общества, который не можетъ быть исключенъ изъ соціологіи; вездѣ, гдѣ есть индивидъ, есть и общество.

Хотя Эспинасъ и утверждаетъ, что біологическій организмъ есть общество, но онъ и не думаетъ отождествлять его съ обществами животныхъ, а тѣмъ болѣе людей. Безъ всякаго сомнѣнія, говоритъ онъ, общества животныхъ и людей представляютъ собою живыя су-

¹⁾ «Основанія соціологіи». Герб. Спенсера, Т. II. Стр. 513.

²⁾ «Соціальная жизнь животныхъ» А. Эспинасы. Стр. 191, 194 и 188.

щества, но едва ли мыслимо, чтобы не было никакой разницы между матерьяльными организмами и организмами общественными, чтобы социология была простым продолжением биологии. Недостаточно сказать, что общество есть живое существо — нужно найти какого рода это живое существо и, следовательно, чем отличается социология от непосредственно предшествующей ей низшей науки. Общество отличается от других живых существ тем, что «оно прежде всего создается сознанием»¹⁾; оно — живое сознание или организм идей. Указанием на отличительную черту общества Эспинаса хочет избавиться от упрека (котораго, по его мнению, вполне заслуживают многие социологи), в том, что он объясняет формы высшего существования формами низшего.

Очевидно, органическая теория в лице Эспинаса сделала громадный шаг для сближения с своими противниками, указывавшими на зависимость общества от чувств и мыслей индивидов. У него общество есть живое целое, но оно вместе с тем вполне зависит от элементов его составляющих, ибо «создается сознанием» их. Органисты старались изгнать волю человечества из числа тех факторов, которые дают жизнь обществу; Эспинас же вполне признает ее значение, хотя и не в том абсолютном виде, в каком признают ее придерживающиеся теории «социального договора». Признавая общество созданием созна-

¹⁾ «Социальная жизнь животных». А. Эспинаса. Стр. 440 и 443.

ніи индивидовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваетъ въ этомъ процессѣ созданія извѣстную законосообразность, органичность, такъ какъ сознаніе индивида въ своемъ ростѣ, развитіи и движеніи подчинено такому же закону органическаго развитія, какъ и все живое. Отсюда и вытекаетъ то явленіе, что общество, будучи созданіемъ воли индивида, вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется произвольнымъ, искусственнымъ произведеніемъ, а является въ видѣ живаго органическаго цѣлаго. Къ сожалѣнію, взглядъ Эспинаса на общество не выясненъ имъ въ его трудѣ до такой степени, чтобы рѣзко бросаться въ глаза читателю и его нужно отыскивать въ замѣчаніяхъ, разбросанныхъ по всей книгѣ, что значительно затемняетъ его.

Основная суть общества заключается, говоритъ Эспинасъ, въ постоянномъ сотрудничествѣ отдѣльныхъ живыхъ существъ. Существа эти могутъ быть поставлены въ такія условія, что сотрудничество заставитъ ихъ сгруппироваться въ какомъ либо мѣстѣ въ опредѣленную формулу; но въ сущности для проявленія согласованныхъ дѣйствій, а, слѣдовательно, и для образованія общества нѣтъ никакой необходимости въ ихъ совмѣстномъ жительствѣ. Взаимный обмѣнъ услугъ между болѣе или менѣе независимыми дѣятелями—вотъ самая характерная черта соціальной жизни, черта, которая не измѣняется существенно отъ приближенія или удаленія, отъ видимаго безпорядка или правильнаго расположенія частей общественнаго организма въ пространствѣ. Два существа могутъ пред-

ставлять на видъ одно цѣлое и не только жить въ соприкосновеніи другъ съ другомъ, но даже взаимно проникать одно въ другое, не образуя однако никакого общества. Если ихъ дѣятельность стремится къ взаимно противоположнымъ или хотя бы только различнымъ цѣлямъ — этого будетъ совершенно достаточно для того, чтобы признать ихъ чуждыми другъ другу. Разъ ихъ функціи, вмѣсто того, чтобы сходиться, расходятся, разъ благосостояніе одного основывается на злополучіи другого — никакая социальная связь между ними невозможна, какъ бы ни было тѣсно ихъ взаимное соприкосновеніе. Примѣромъ подобныхъ явленій можетъ быть паразитизмъ. Общественная жизнь и паразитизмъ относятся между собою, какъ два антипода: въ то время, какъ первая изъ нихъ характеризуется взаимной пользой и совершенствованіемъ, послѣдній вызываетъ соотвѣствующее пониженіе жизненной силы въ животномъ, которое ему подвергается, и уменьшеніе сложности въ организаціи того, которое его практикуетъ. Паразитизмъ вредитъ не только жертвѣ, но и самому паразиту, по крайней мѣрѣ если не прямо отдѣльному индивиду, то наслѣдственнымъ путемъ цѣлому виду ¹⁾).

Не смотря на вышесказанное, Эспинасъ утверждаетъ, что при большомъ числѣ индивидовъ, составляющихъ общество, и между которыми установлено раздѣленіе труда, невозможно, чтобы всѣ они исполняли функціи одинаковой важности. Одному или нѣсколькимъ изъ нихъ непременно должно выпасть на долю наиболѣе

¹⁾ Тамъ-же. Стр. 137, 138 и 143.

существенное, господствующее, преобладающее отправление. Чѣмъ болѣе онъ будетъ его исполнять, тѣмъ лучше онъ долженъ это дѣлать. Мало-по-малу эти индивиды перемѣщаются изъ разсѣянныхъ и наиболѣе удаленныхъ мѣстъ социальнаго организма и сосредоточиваются въ центрѣ. Такимъ образомъ центральные индивиды дѣлаются преобладающими и подчиняютъ себѣ остальные, если бы даже эти послѣдніе не чувствовали никакой склонности къ подобному подчиненію ¹⁾).

Ясно, что этотъ законъ социальныхъ фактовъ Эспинаса противорѣчитъ тому, что онъ-же самъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ: общество есть созданіе сознанія индивидовъ. Если общество — созданіе сознанія индивидовъ, то вѣдь сознаніе можетъ быть такого рода: лучше откажемся отъ выгодъ, доставляемыхъ намъ этими преобладающими индивидами, нежели подчинимся имъ. А разъ сознаніе будетъ таково, то и законъ Эспинаса обращается въ пухъ. Правда, существующія явленія схвачены имъ вѣрно, но изъ этого не получается права утверждать, что это законъ «его же непрейдеши», какъ увѣрляетъ Эспинасъ: все зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ будетъ сознаніе у индивидовъ.

Уже Спиноза въ своемъ «Политическомъ трактатѣ» говорилъ, что общество имѣетъ власть и реальность, какъ разъ настолько, насколько ихъ ввѣряютъ ему индивиды въ каждый данный моментъ: отнимая отъ индивидовъ ихъ права и власть, оно посягало бы на самого

¹⁾ Тамъ-же. Стр. 435.

себя, такъ какъ общество, прибавимъ мы и есть ничто иное, какъ совокупность тѣхъ же индивидовъ ¹⁾).

«Законы явленій общества, говоритъ вполне справедливо Милль, суть не что иное и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только закономъ дѣйствій и страстей людей, соединенныхъ въ общественномъ состояніи. Но люди въ состояніи общества — все-таки люди; ихъ дѣйствія и страсти подчиняются законамъ индивидуальной человѣческой природы. Люди, соединенные вмѣстѣ, не обращаются въ другой родъ существъ, съ иными свойствами, какъ напримѣръ водородъ и кислородъ отличны отъ воды, или какъ водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ отличны отъ нервовъ мускуловъ и тканей. Люди въ обществѣ имѣютъ только тѣ свойства, которыя вытекаютъ изъ законовъ природы индивидуальнаго человѣка или могутъ быть сведены на эти законы» ²⁾. Общество, по словамъ Льюиса. — продуктъ человѣческихъ чувствованій и его существованіе мало-по-малу развилось изъ чувствованій, которыя оно, въ свою очередь, измѣняетъ и расширяетъ на каждой ступени ³⁾).

И такъ общественная среда, въ которой необходимо нуждается каждый человѣкъ, есть продуктъ человѣческой личности, а потому и стоитъ она въ зависимости отъ психическихъ процессовъ, управляющихъ дѣятельностью этой личности. Но, будучи разъ создана, она самымъ могущественнымъ образомъ вліяетъ на самую личность, видоизмѣняя всѣ ея психическіе процессы.

¹⁾ Тамъ-же. Стр. 24.

²⁾ Система логики. Д. С. Милля. Т. II. Стр. 452.

³⁾ Д. Г. Льюисъ. Изученіе психологіи. Стр. 71.

Къ сожалѣнію, общественная психологія почти не существуетъ. Если психическіе процессы индивидуума болѣе или менѣе изучены, то психологія общества, можно сказать, только намѣчается. Сущестующая психологія, — такъ сказать, психологія отдѣльнаго человѣка — не даетъ намъ объясненій по самымъ интереснымъ вопросамъ соціологіи: общественныя движенія, распространяющіяся съ изумительной быстротой, охватывающія громадныя территоріи, очень часто объясняются интригами отдѣльныхъ личностей или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. А между тѣмъ исторія человѣчества представляетъ намъ длинный, непрерывный рядъ примѣровъ, въ которыхъ извѣстныя побужденія, чувства и идеи охватываютъ сразу массу людей и обуславливаютъ тотъ или другой рядъ одинаковыхъ дѣйствій. При этомъ двигающая идея можетъ быть и высокою, и нелѣпою; чувства и стремленія могутъ выходить изъ основъ фізіологическихъ, но могутъ быть необычайными и ненормальными, совершенно измѣняющими прежній нравственный и умственный характеръ людей. Подобные примѣры указываютъ на заразительность психическихъ процессовъ, обусловленную существованіемъ индивидуума въ общественной средѣ. Эскироль называетъ эту способность душевной контагіозностью ¹⁾

¹⁾ Болѣзни, поражающія сразу множество людей, называются эпидемическими. Онѣ происходятъ или отъ заразы, развивающейся внѣ человѣческаго организма (міазмы), какъ, на примѣръ, перемежающаяся лихорадка, или же отъ заразы, воспроизводящейся въ самомъ организмѣ и передающейся отъ одного человѣка къ другому, какъ, на примѣръ, оспа. Въ этомъ состоитъ разница ме-

Особенно заразительны бывают побужденія, чувства, а не идеи. Чѣмъ сильнѣе и напряженнѣе душевное движеніе, тѣмъ оно заразительнѣе. Страсть поэтому заразительна по преимуществу.

Дѣйствіе душевнаго контагія, говоритъ г. Кандинскій, особенно рѣзко въ массѣ людей, и притомъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше и компактнѣе эта масса. Видъ зѣвущаго человѣка производитъ неодолимое побужденіе къ зѣвотѣ. Точно также при видѣ какого-либо жеста или положенія другого лица человѣкъ можетъ повторить этотъ жестъ невольно, въ силу, какъ говоритъ Льюисъ, безсознательнаго стремленія привести себя въ унисонъ съ этимъ лицомъ. Очень часто бываетъ, что примѣръ одного или нѣсколькихъ трусовъ заражаетъ цѣлыя полки и обращаетъ ихъ въ позорное бѣгство. Страхъ и ужасъ заразительнѣе геройства, потому что у большинства людей гораздо болѣе задатковъ трусости, чѣмъ храбрости. Ужасъ, заразившій цѣлую толпу, производитъ то, что называютъ паникою. Всякая идея заразительна настолько, насколько она затрогиваетъ чувство или носитъ въ себѣ его элементы. Только идеи съ аффективнымъ характеромъ, производи экзальтацію въ массахъ и пробуждая страсти толпы, приобрѣтаютъ широкое эпидемическое распространеніе. Чистая отвлеченная идея мало заразительна. Разсматривая состояніе общества въ данное время, можно замѣтить, что извѣстныя чувства и идеи имѣютъ широкое распростра-

жду міазматическими и собственно заразительными, *контагіозными* болѣзнями.

неніе, другія-же нѣтъ. Чувства мелочныя и своекорыстныя гораздо болѣе склонны принимать эпидемическое распространеніе, чѣмъ чувства и идеи высокія, потому что средній человѣкъ болѣе расположенъ къ чувствованіямъ и понятіямъ эгоистическимъ, чѣмъ къ альтруистическимъ. Но когда обычное теченіе общественной жизни чѣмъ нибудь взволновано, то бываетъ, что и самыя заурядные люди, заражаясь отъ лицъ, стоящихъ во главѣ движенія, становятся способными къ чувствамъ болѣе возвышеннымъ и даже къ подвигамъ героизма и самопожертвованія. Во время-же застоя, когда никакое живое чувство, никакая идея не трогаютъ общественнаго сознанія, эгоистическія побужденія приобрѣтають эпидемическое, всеобщее распространеніе ¹⁾.

Всѣ эти факты доказываютъ, что личность, будучи творцомъ общества, въ тоже время сама подвергается вліянію своего творенія, не только въ смыслѣ прямого ограниченія своихъ дѣйствій, но и въ смыслѣ видоизмѣненія своихъ мыслей, чувствъ и желаній. Это вліяніе является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій для приспособленія личности къ общественнымъ условіямъ, т. е. для повышенія ея нравственныхъ и умственныхъ силъ. Впрочемъ, все-таки необходимо помнить, что общественное вліяніе не есть что-либо отдѣльное отъ личности, а составляетъ лишь фокусъ личныхъ чувствъ, воззрѣній и дѣйствій. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, въ обществѣ нѣтъ другихъ факторовъ, кромѣ самой личности.

¹⁾ Общепонятные психологическіе этюды. Вик. Кандинскаго.

Не смотря на очевидность этой истины, многие склонны смотрѣть на явленія общественной жизни не какъ на продуктъ свойствъ личностей, соединенныхъ въ данномъ обществѣ, а какъ на результатъ дѣйствій мистическихъ «законовъ исторіи», имѣющихъ свое основаніе не въ физическихъ и психическихъ качествахъ личности, а внѣ ея ¹⁾. Мы уже указывали, что Эспинасъ, подобно многимъ другимъ, впадаетъ въ эту ошибку; но лучшимъ примѣромъ могутъ быть воззрѣнія экономистовъ, считающихъ рабство фатально-обязательной ступенью общественнаго развитія. По ихъ мнѣнію, рабство замѣняетъ убіеніе плѣнныхъ, а потому и является прогрессивнымъ факторомъ исторіи; въ свою очередь, потомъ, оно смягчается въ крѣпостное право ²⁾ и, наконецъ, въ вольно-наемный трудъ. На первый взглядъ это можетъ показаться справедливымъ. Жизнь для человѣка—лучшее благо, а потому, если бы рабство служило только замѣной лишенія жизни, то экономисты были бы вполне правы. Но дѣло было совсѣмъ не такъ, а потому и рабство не можетъ считаться прогрессивнымъ явленіемъ ни въ какія времена.

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что вліяніе на общественныя формы почвы, климата, топографическаго устройства страны и т. п. условій, проявляется главнымъ образомъ не непосредственно, а только въ видѣ видоизмѣненія физическихъ и духовныхъ свойствъ самой личности человѣка, черезъ которую они почти только и могутъ вліять на его общественныя формы.

²⁾ Герб. Спенсеръ опровергаетъ это, доказывая, что «крѣпостное состояніе возникаетъ вмѣстѣ съ завоеваніемъ и присоединеніемъ цѣлыхъ областей». (Развитіе политич. учреждений. Стр. 70).